

Александр Дахненко

Я – СТАЛКЕР, Я – ЖИТЕЛЬ ДОНБАССА...

* * *

Рассказать бы о жизни без мата,
Но, слова выбирая с трудом,
Понимаешь ты – это палата
Номер шесть, это жуткий дурдом.

Исковеркан судьбой, искорежен,
На фрагменты шальные разбит,
Ты загадочен и невозможен
Для вписавшихся в скуку и быт.

Разгоняется ветер и просто
Поглощает твой тягостный вздох.
И мечтатели тянутся к звездам,
Предвещающим смену эпох.

Но когда до беспечных и сонных,
До мешанских провинций дойдет,
Что их в список внесли обреченных,
Разве кто-то тогда их спасет?

Время полнится знаков зловещих,
Но к беде ты опять не готов...
А от душ остаются лишь вещи
Разоренных войной городов.

* * *

Андрею Ивасенко

Полухохлы, полукацапы
Друг друга лупят за копейки,
Мечтают счастье взять нахрапом.
Мельчают люди и идеики.

Мы все полны постылым бытом,
Мы пьем спокойно на работе,
И души горечью забиты,
Истерты в скуке и заботе.
Закусишь горькую паштетом,
На что еще осталось денег?..
И стол свой приберешь с рассветом,
И схватишь ненавистный веник.
Все повторяется так четко:
Героев побеждают тусы.
Ну а тебя хреновой водкой
Отравят братья-белорусы.

* * *

Куски вырывая из горла
Друг друга, мы смотрим во тьму.
Но всех нас эпоха затерла,
Отправив в Донбасс, как в тюрьму.
Здесь лучшие люди – отбросы,
Отбор отрицательный прав.
Ведь проклятые вопросы
Испортили каждому нрав.
Прохожие прячут в карманах
Своих повседневное зло.
В чужих ковыряются ранах –
Такое у них ремесло.
И все продают понемногу
Остатки великой страны.
И врут себе сами, что Богу
Их черствые души нужны.
И вот до последнего часа
Я угольной пылью плююсь...
Я – сталкер, я – житель Донбасса,
И ада уже не боюсь.

* * *

Чужие судьбы, точно острова,
 Затерянные в океане жизни...
 Бормочущие грустные слова,
 В нерадостной и пасмурной отчизне.
 Что делать, если все живем взаимы
 И дышим одиночеством, тоскуя...
 И занимая праздные умы,
 Мы бедствуем, но жизнью не рискуя,
 Друг друга никогда не узнаём,
 Хотя проходим очень близко, рядом.
 Но каждый помнит только о своем,
 И не бросает на соседа взгляда.

* * *

Осознать, вместить года скитаний
 Трудно очень. Очень тяжело
 Вытащить из снов-воспоминаний
 То, что истинно тебя вело
 В никуда. И ледяные дали
 Стали очень близкими тебе.
 Стали бесконечные печали
 Вехами в дороге и судьбе.
 Что ж, для обреченного таланта
 Жизни смысл остался лишь такой...
 Ты скупые слезы эмигранта
 Вытри и махни на все рукой.

* * *

Есть на свете люди и людишки,
 Жаль, что вот последних – большинство...
 И к чему прочитанные книжки,
 Если первородство-старшинство
 Сменяно на пошлую похлебку
 Разговоров в суете сует?..
 Так, бывало, поднимаешь стопку,
 Ненадолго покидая свет,
 Чтобы утром, все начав сначала,
 Жизни бред задумчиво твердить...
 Проходить спокойно и устало,
 Равнодушно мимо проходить.

* * *

Ну что же ты так выглядишь угрюмо
 И исподлобья озираешь мир?
 Да, ты узнал, что жизнь – не фунт изюма,
 Давно, блуждая в пустоте квартир,

Где прошлого засели отголоски,
 Надежд ребяческих далекий свет,
 Где догорели лучшие наброски...
 Вновь чистый лист, но будущего нет.

А у других судьба еще в порядке,
 Но дышит в спину наш коварный век...
 Ты пишешь строки,
 бьешься в лихорадке –
 Гостиничный, подпольный человек.

* * *

Сначала мучило похмелье,
 Потом сходили синяки...
 И инфернальное веселье
 С холодным привкусом тоски
 Вдруг подняло температуру,
 И жаром опалило лоб.
 В какую же «литературу»
 Играл ты, чувствуя озноб
 От безысходности мгновений,
 Прикрытых шорохом страниц?..
 ...А время превращало в тени
 Черты тебе знакомых лиц.

* * *

Как нехотя мы все еще живем
 И всё еще кому-то подражаем.
 Друзьями мы знакомых назовем,
 Хоть никого из них не уважаем...

Как пафосно и глупо мы живем,
 (И сами лжем себе неуловимо).
 Как равнодушно мы надежды рвем,
 И, видя боль других, – проходим мимо.

В гостинице мерцает мертвый свет
 И искажает сумрачные лица...
 И, глядя в зеркало минувших лет,
 Так хочется порой то вдрызг напиться,
 То умереть, то заново родиться...

* * *

Зайди в уютный кабинетик,
 Своих клеветов собери.
 И слов пустых наговори...
 Чтоб было больше в них патетик.

Ты помнишь местных всех поэтов,
 Писателей – им это льстит.
 Их тянет, тянет, как магнит,
 В места приютов и приветов.
 А ты хихикаешь в кулак,
 В кармане скручиваешь фигу
 И создаешь свою интригу,
 Ведь знаешь: «Третий сорт – не брак»...
 Ты стелешься, как мелкий бес
 С провинциальным кругозором
 (Но с ядовитым разговором),
 По городу, где нет чудес.

* * *

Устав от мельтешенья муз
 И повседневности капризной,
 Взыскательный и прочий вкус
 Ты не насытишь дешевизной
 Банальных радостей земных.
 И до судьбы уже нет дела...
 Озябшее, больное тело
 Затихло в сумерках ночных.

* * *

После обильных возлияний,
 Садясь в полупустой трамвай,
 Обрывками воспоминаний
 Делясь, – имен не называй.
 Что имена? Ведь каждый встречный
 Хранит похожую судьбу:
 Поток печали бесконечный
 И счастье, что давно в гробу.
 Вся эта жизнь, как полукровка,
 И ничему здесь не помочь.
 Пора прощаться. Остановка.
 И ты соскальзываешь в ночь.

* * *

Нетрудно быть эмигрантом,
 Ведь Родины нет как нет.
 Ведь люди с большим талантом
 Забыты – простыл их след.

Нам в этой «прекрасной» эпохе
 Скитаться, и нежность души
 Менять на иллюзий крохи
 Да на забвенья гроши.

* * *

От этой жизни сходим мы с ума:
 Бесцветной, жуткой, неблагоприятной.
 И прячемся в бетонные дома,
 С усталостью вселенской неразлучны.

Скитаться здесь практически нет сил.
 Скажи, зачем блуждаем мы по свету?
 Ведь призраки тех, кто когда-то жил
 Все ближе к нам...

Но мы не помним это.

И наши беспокойные тела,
 Мечты, надежды, сны

все тише, глуше...

И что в итоге? Ветреная мгла
 Баюкает заснеженные души.

* * *

Алле В.

А помнишь русскую весну
 И сшитые тобою флаги?
 Как, задыхаясь от отваги,
 Мы верили в свою страну,
 Что вроде и не предала,
 Но как-то странно помогает,
 То поманит, то отвергает...
 Что ж, видно в ней все та же мгла
 Царит, как в воздухе эпохи
 Наживы дух и мелкий бес,
 И снова ветер злых чудес
 Доносит горестные вздохи...
 Приедешь, в чашку я плесну
 Тебе и мне опять цикорий...
 Мы вспомним в череде историй
 И нашу русскую весну.

* * *

Замучены бессмысленной гордыней
 И страхом смерти,

близкой с каждым днем,

Они все пишут, что теперь, отныне
 Живут, горят мистическим огнем.

Но странно выпретенное многословье –
 Ведь беды так обыденно просты...
 Разрушено душевное здоровье
 И дни, и годы, в сущности, пусты.

В болтливости своей не зная меры, —
 На публику же всё, в конце концов...
 Истерики, глупцы, визионеры
 Напрасно корчат из себя творцов.

* * *

Ивану Ревякову

В степи хоть вой от скуки, водку пей,
 Но глушит ветер крики и стенанья.
 Судьба моя, ты год от года злей,
 Душа совсем ушла в воспоминанья.

Здесь только тело, что пришло в кабак.
 Тоска собачья, да и холод жуткий.
 И снова жизни раздаю за так
 Я, может быть, последние минутки.

Но что мне беспокоиться о том?
 Умру и я, помучившись... Как, впрочем,
 Все до меня. И кто придет потом,
 Исчезнет тоже в океане ночи.

* * *

Комфорта теплое болото,
 Беседы, светские порою,
 И алкогольная икота,
 И часто склонность к мордобою

У творческого человека,
 Среди таких же простодушных,
 Живущих на просторах века,
 И никому уже ненужных.

Скажи мне, дорогой приятель
 И собутыльник мой случайный,
 Куда исчез поэт-мечтатель
 И образ дней первоначальный?

И отчего твоя программа —
 Все та же химия в стакане?..
 Жизнь, превратившись в груду хлама,
 Проходит чаще на диване.

Зачем повсюду, суетливы,
 Мелькают мелочные лица,
 И так банально-некрасивы
 Провинциальные столицы?

* * *

Нас любит Бог:
 больных и безнадежных,
 Безденежных, беспомощных людей,
 Но отчего-то нежных и мятежных,
 В нелепой грустной мудрости своей.

За деньги не продавшихся барыгам
 И презирающих мещанский быт,
 Не склонных
 к обывательским интригам
 И помнящих всех тех, кто был убит

Страной лихой —
 без жалости, без чести,
 Что не умеет верить, сострадать...
 И мы с тобой
 в глухом и гиблом месте —
 Мы научились ничего не ждать.

